

4. Галич А. Облака плывут, облака / сост. А. Костромин. М. : Локид : ЭКСМО-Пресс, 1999. 495 с.
5. Еврейские сказки для детей и взрослых / сост. Я. Л. Либерман. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 551 с.
6. Заклинание добра и зла. Александр Галич – о его творчестве, жизни и судьбе рассказывают статьи и воспоминания друзей и современников, документы, а также истории и стихи, которые сочинил он сам : [сб.] / сост. Н. Г. Крейтнер. М. : Прогресс, 1991. 576 с.
7. Кулагин А. В. Детство как лирическая тема Галича // Галич: новые статьи и материалы. Вып. 3. М. : Булат, 2009. С. 45–59.
8. Либерман Я. Л. Еврейство и христианство Александра Галича // Веси. 2008. № 9. С. 20–26.
9. Русские народные сказки : в 3 т. / сост. Ю. Г. Круглов. 2-е изд. Т. 1 : Сказки о животных; Волшебные сказки. М. : Сов. Россия, 1992. 446 с.
10. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М. : КРОН-ПРЕСС : Академия, 1997. 653 с.
11. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь : [в 6 т.]. Кн. 3/4. М. : Сов. писатель, 1963. 791 с.
12. Эренбург И. Г. Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца. М. : КРПА «Олимп» : Сов. писатель, 1991. 208 с. (Библиотечка «Олимпа»).

М. А. Аразова (Екатеринбург)

Рецепция творчества В. Маяковского в поэзии И. Елагина*

Иван Венедиктович Елагин (1918–1987; настоящая фамилия – Матвеев) – один из самых ярких и сильных представителей литераторов второй волны русской эмиграции XX в. Его отец, Венедикт Март, поэт-футурист, был расстрелян в 1937 г. Смерть отца оказала значительное влияние на мировоззрение Елагина и его дальнейшую судьбу. В начале войны он находится в оккупированном Киеве; будучи недоучившимся врачом из Второго киевского медицинского

* Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента Ю. В. Матвеевой.

института, работает на «скорой помощи» – вывозит раненых из пригородов в киевские больницы. Однако чем дольше идет война, тем он отчетливее понимает всю опасность попасть в руки НКВД, где ему предъявили бы обвинение в сотрудничестве с оккупантами, поскольку он работает при немцах в роддоме. Оставаться по-прежнему на родине было все равно что ждать смерти, поэтому Елагин всерьез решает эмигрировать. Пережив месяцы послевоенных выдач 1946 г., тяжелую жизнь в лагерях для «перемещенных лиц», в 1950 г. поэт с семьей переезжает в Нью-Йорк. Постепенно его жизнь налаживается; Елагин начинает сотрудничать с газетой «Новое русское слово», пробует свои силы в поэтическом переводе. Собственные стихи Елагин писал только по-русски, они составили сборники: «По дороге оттуда» (1953), «Отсветы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), «Дракон на крыше» (1973), «Под созвездием топора» (1976), «В зале Вселенной» (1982), «Тяжелые звезды» (1987).

Среди литераторов ДР Елагин, безусловно, выделялся, однако представители первой волны эмиграции однозначно считали его «советским» поэтом. Так, Георгий Иванов называет Елагина одним из «непомнящих родства», для которых русская поэзия началась «Пролеткультом» и Маяковским [3, с. 583–584]. В то время как советские литературоведы и критики отмечают несомненный талант Маяковского, эмигранты настроены по отношению к первому советскому поэту отрицательно. Например, в антологии «В. В. Маяковский: pro et contra» [1] среди большого количества мнений и оценок есть и отзывы И. Бунина, Б. Зайцева, З. Гиппиус, В. Ходасевича и др. Их отрицательное отношение к Маяковскому бросается в глаза. С позиции сегодняшнего дня следует признать, что назвать Елагина «непомнящим родства» у Г. Иванова не было достаточных оснований, однако активную рецепцию и осмысление творчества Маяковского в елагинской поэзии он заметил правильно.

Поэзия Елагина сформировалась под влиянием творчества А. Ахматовой, А. Блока, Б. Пастернака, целого ряда «советских поэтов» (В. Луговского, И. Тихонова, Э. Багрицкого), однако главенствующую роль в этом ряду занимает Владимир Маяковский. С поэзией Маяковского Иван Елагин был знаком с самого детства. Любовь к первому советскому поэту, о которой Елагин говорил неоднократно в своих стихах, была привита ему не столько советской культурой, сколько досталась от отца-футуриста. И хотя интенсивность обращений Елагина к творчеству Маяковского и к его имени на протяжении времени

менялась, Маяковский в елагинском творчестве присутствует неизменно. Причем эта творческая рецепция не только очевидна читателям и исследователям, но и программно заявлена самим автором. Чтобы выявить ее границы и художественную значимость, необходимо подробно рассмотреть влияние поэзии Маяковского на творчество Елагина на разных уровнях.

Образ Маяковского – как человека и как поэта – присутствует в таких стихотворениях Елагина, как «Поэт», «Я сегодня прочитал за завтраком», «У памятника Маяковскому». По этим произведениям видно, что Маяковский интересует, волнует Елагина, прежде всего, как индивидуальность, очень яркая и сильная личность. В самом крупном из вышеперечисленных стихотворений, «У памятника Маяковскому», отражается реальный исторический факт – открытие памятника первому советскому поэту в Москве в 1958 г. Здесь Елагин воплощает свое отношение к Маяковскому-человеку, рисуя его символом свободы и непобедимости слова. Начинается стихотворение цитатой из «Облака в штанах», где личное местоимение «я» заменяется на местоимение третьего лица «он»:

Стих отгремел последний –
И над Россией
Стоит он –
Двадцатидвухлетний,
Стоит красивый! [2, с. 72].

Отсылает это стихотворение и еще к одному знаменитому тексту Маяковского – «Юбилейное». Елагин преодолевает дистанцию между ним и Маяковским точно так же, как Маяковский в своем знаменитом стихотворении преодолевает дистанцию с Пушкиным. Елагин понимает превосходство первого советского поэта над собой на литературном поприще, но его, прежде всего, интересует чуткая поэтическая душа Маяковского, остро воспринимающего все происходящее. Стихотворение пропитано любовью к советскому поэту.

В целом ряде стихотворений Елагина словно воспроизводится, реконструируется мироощущение Маяковского. Это такие тексты, как «Сурово и важно», «Месяца светящийся фаянс», «Так. Маскарад вечерний начат», «Четыре угла». Во всех этих стихотворениях ведущим является гражданский пафос, сопряженный с огромной силой лирического начала. Этот пафос Елагин заимствует, конечно, у Маяковского, поэты оказываются

близки в своем поэтическом формате. О том же свидетельствуют мотивы богоборчества и вызова, сатирические мотивы, а также урбанистическая лирика поэтов (см. об этом: [4]).

Так же, как и Маяковский, Елагин не страшится бросить вызов Вселенной, да и самой жизни (см. стихотворения «Вселенная! Так вот твоя изнанка», «Кому-то кто-то что-то доказал», «Дракон на крыше»).

Что ты лжешь мне, постылая жизнь!
Разве мало тебе идиотов?
Отцепись от меня, отвяжись!
Я тебя уже сбросил со счетов [2, с. 106].

Как и у Маяковского, у Елагина также присутствуют богоборческие мотивы, которые заставляют вспомнить поэмы «Флейта-позвоночник», «Облако в штанах». Масштаб лирического героя Елагина как бы наследует масштаб лирического героя Маяковского, который в своем вызове миру доходит до поправления сакральных тем. Однако «наполнение» этого вызова у поэтов разное. Маяковский отрицает Бога и все, что с ним связано, заменяя Его место верой в революцию, в себя, в человеческий прогресс, в коренную перестройку мира. У Елагина же это место так и остается пустым. Для него в мире нет никакого спасения и утешения.

Ты, Господи, оставил нас в огне,
Ты два тысячелетя – в стороне,
А мы от века до конца – плати
За неисповедимые пути [2, с. 165].

Тупик. И выход ни один
Из тупика еще не найден.
И так от детства до седин,
От первых до последних ссадин [2, с. 126].

Заставляют оглядываться на творчество Маяковского и художественные приемы, используемые Елагиным в лирике. Здесь нужно отметить, прежде всего, фантастику, которая встречается по преимуществу в сатирической и урбанистической лирике поэта. Фантастическое, присутствующее в образе человека, в сатирических произведениях Елагина, как и у Маяковского, зачастую является крайней формой гротеска.

Возьмем, например, отрывок из стихотворения Елагина «В музее современного искусства» [2, с. 305–306]:

В музее современного искусства
Я сразу в вестибюле, сгорая,
Со скрежетом, со щелканьем и хрустом
Откручиваю руку от плеча.
Я находиться здесь хочу по праву,
От атомного века не отстав,
Я спешно разбираю по суставам
Мой остеологический состав.
([2, с. 305–306], курсив мой. – А. М.).

В этом стихотворении отчетливо слышна реминисценция из «Прозаседавшихся» Маяковского. Оба произведения воспроизводят особый конструктивистский тип мышления, для которого все: и мир вокруг, и человек, и даже сам лирический герой – становятся определенной конструкцией. Таким же образом и городской пейзаж у Елагина предстает в геометрических фигурах: «мир объема и тяжести», «призрак двумерный», «каменные вертикали», «решетки прямых параллелей».

Кроме того, Елагин часто берет поэзию Маяковского как образец для подражания в стиховой форме. Так, он заимствует у Маяковского знаменитую «лесенку», которая служит для читателя опознавательным знаком. Елагин вообще активно пользуется акцентным стихом. Например, в стихотворении «Небо»:

Я знаю, что неба не хватит.
Немного
 у неба
 осталось
 времени.
Потомки
 какой-нибудь паклей
 законопатят
Прорву космической темени [2, с. 200].

Вслед за Маяковским и футуристами Елагин активно использует всевозможные неологизмы и окказионализмы. Например: «одиночь», «зелености», «синести», «фазанисто», «гогенисто», «сезанисто». Чаще

всего Елагин создает новые глагольные формы: «оркеструя» [2, с. 48], «пальмы павлинятся», «по небу ходючи» [2, с. 271]. Но есть у него и примеры образования имен существительных и прилагательных: «Рассекаю до самого дна / Стекловидную светопись дня» [2, с. 273].

«По-маяковски» выглядят у Елагина и сами модели создания метафор. Образность Маяковского, как и образность Елагина, – конкретная, она исключает намеки, недоговоренности. Оба поэта выговариваются четко, точно и до конца. Поэтому их слово такое яркое, а стихотворения выделяются на фоне других и ритмом, и – очень часто – графически.

Подводя итоги, следует сказать, что Елагин видел в Маяковском, прежде всего, личность, олицетворявшую собой свободу, независимость, способность бросить вызов обществу и мирозданию. Иван Елагин унаследовал от Маяковского гражданский пафос в его неразрывной сопряженности с лиризмом, чувствительностью, эмоциональностью, повышенной экспрессией. Именно этот своеобразный лиризм Маяковского более всего привлекал Елагина. Недаром, обращаясь к творчеству поэта-предшественника, он перерабатывает те его стихотворения и поэмы, где наиболее ярко проявляется как раз лирическая ипостась поэта. Так в стихотворениях «Льдина», «У памятника Маяковскому» Елагин отсылает нас к поэме о любви «Про это», к глубоко личному стихотворению «Юбилейное». Однако, наследуя Маяковскому, Елагин снимает с него «советскую» маркированность – Маяковский для него в первую очередь великий поэт огромной лирической силы.

Список литературы

1. В. В. Маяковский: Pro et contra : личность и творчество Владимира Маяковского в оценке современников и исследователей : антол. / сост., вступ. ст., коммент. В. Н. Дядичева. СПб. : РГХА, 2006. 1071 с.
2. Елагин И. Собр. соч. : в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. Е. В. Витковского. Т. 1 : Стихотворения. М. : Согласие, 1998. 464 с.
3. Иванов Г. Собр. соч. : т. 1–3. Т. 3 : Мемуары; Лит. критика. М. : Согласие, 1994. 718 с.
4. Толстоброва Л. В. Интертекстуальные мотивы и образы в лирике И. В. Елагина // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 4. С. 122–126. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnyye-motivy-i-obrazy-v-lirike-i-v-elagina> (дата обращения: 28.03.2016).